ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

УДК 342.41 (93.430)

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-38-48

КОНСТИТУЦИЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Беляев М. П.

Российский университет кооперации

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 12/30, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть взаимодействие и взаимовлияние Конституции Священной Римской империи и религиозного фактора во время Тридцатилетней войны.

Процедура и методы. На основании изучения Конституции Империи предпринята попытка определить причины и сущность Тридцатилетней войны.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что в оправдании военных действий религия в Тридцатилетней войне играла небольшую роль. Борьба шла вокруг содержания имперской Конституции, в которой религиозные права были неотъемлемой частью. Эти права впоследствии были гарантированы Вестфальским миром.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе уже имеющихся фактов автору удалось по-новому взглянуть на причины и сущность Тридцатилетней войны, в основе которой лежал конституционный конфликт.

Ключевые слова: Аугсбургский мир, имперские чины, католики, протестанты

THE HOLY ROMAN EMPIRE CONSTITUTION AND THE RELIGIOUS FACTOR IN THE THIRTY YEARS' WAR

M. Beljaev

Russian University of Cooperation

12/30, Very Voloshinoy ul., Mytisch, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the interaction and mutual influence of the Constitution of the Holy Roman Empire and the religious factor during the Thirty Years War.

Methodology. Based on the study of the Constitution of the Empire, an attempt was made to determine the causes and essence of the Thirty Years War.

Results. Based on the results of the study, it is concluded that religion in the Thirty Years War didn't play an important role in justifying military actions. It was the content of the imperial constitution which was the center of the struggle, religious rights being an integral part of it. These rights were subsequently guaranteed by the Peace of Westphalia.

Research implications. Based on the facts already available, the author managed to take a fresh look at the causes and essence of the Thirty Years War, which was based on a constitutional conflict.

Keywords: Peace of Augsburg, imperial estates, Catholics, Protestants

© CC BY Беляев М. П., 2021.

Введение

В ходе Реформации в Западной Европе возникли различные течения западного христианства. Решающим шагом для становления конфессиональной идентичности стало противостояние и размежевание церквей. Главным и самым острым вопросом этого размежевания стала не теологическая полемика, а проблема религиозной войны [4, с. 86].

Тридцатилетняя война явилась крупным политическим и религиозным конфликтом в Священной Римской империи. Религиозной она была только до 1635 г. Затем светские проблемы получили приоритет, когда католическая Франция вмешалась в войну на стороне протестантской Швеции против католического императора и его союзника-лютеранина, саксонского курфюрста. Конституционные проблемы оставались центральными в течение всей войны. Противостояние затягивалось из-за невозможности их разрешения. Вторжение иностранных армий оправдывалось поддержкой одной из сторон, которая по своему интерпретировала спорные пункты Конституции. В конце концов все стороны приняли компромисс, основанный на вариантах, которые могли быть осуществлены в самом начале войны [8, с. 432; 11, р. 474–475].

Основные положения имперской Конституции

Аугсбургский религиозный мир 1555 г. на момент начала Тридцатилетней войны был важнейшим конституционным актом Священной Римской империи. Он прекратил межконфессиональные конфликты между католиками и протестантами. С заключением Аугсбургского мира общественно-политические и собственно конфессиональные отношения в немецких землях начали эволюционировать в направлении правового регулирования спорных вопросов. В основе этого конституционного акта лежал принцип «чья власть, того и вера», который передавал решение религиозных вопросов территориальным князьям и тем

самым санкционировал развитие местных протестантских церквей. Аугсбургский религиозный мир дополнил положения позднесредневековой Конституции Империи как аристократической ассоциации [2, с. 45, 94; 10, р. 137–138; 12, р. 29].

Религиозный мир относится только к имперским чинам, а не к их подданным. Последние должны были подчиняться своей территориальной власти: если они этого не хотели, им была гарантирована свобода эмиграции. Эмигранты имели право вывезти часть своего имущества. Опираясь на это положение, территориальные князья могли выдворять со своих земель подданных, исповедывающих иную религию. С другой стороны, протестанты, по крайней мере, добились принятия специальной декларации Фердинанда (будущего императора Фердинанда I) о своём праве проживать на территории католических духовных княжеств. Конечно, духовенство заявляло, что не связано с этой декларацией, выпущенной без их согласия [9, р. 38].

Аугсбургский мир был одновременно политическим и религиозным документом, в котором эти два элемента плохо сочетались. Светские элементы соседствовали с нормами, регулирующими конфессиональные вопросы. Религиозным вопросам были посвящены только 8 из 141 статьи. Споры о толковании статей Аугсбургского мира должны были осуществляться в надлежащем правовом русле. Он замыслился как часть конституционных реформ в области правосудия, обороны, полиции и денежно-кредитной политики. Решения Аугсбургского рейхстага 1555 г. были выдержаны в антицентралистском духе. Его недостатки, очевидные в то время, привели к ослаблению власти императора. Коренная проблема заключалась в признании де-факто религиозного раскола в то время, когда люди предпочитали универсальную веру. Множество религий было для них теологически неприемлемо. Могла существовать только одна истинная вера. Аугсбургский мир исключил теологические утверждения и предоставил равные права католическим и лютеранским им-

перским чинам, чтобы осуществлять право на реформацию или надзор за церковью на своих собственных территориях. Такие условия были приемлемы для умеренных, которые рассчитывали примирить конфессии через богословский компромисс, что современниками понималось как веротерпимость [2, с. 45; 11, р. 503–504].

Воинствующие настаивали на более острых различиях, но практически никто не подвергал сомнению законность мирного урегулирования. Споры о применении и толковании норм Аугсбургского мира велись по 3-м слагаемым:

- осуществление права реформации избранными правителями католических церковных княжеств;
- статус оставшейся церковной собственности в пределах лютеранских территорий;
- религиозная свобода для имперских городов, имперских рыцарей и отколовшихся меньшинств.

В рамках имперской судебной системы рассматривались вопросы о нарушении мира. Но эти так называемые религиозные дела не должны были затрагивать доктрину. Они касались только защиты конституционных и имущественных прав [11, р. 504–505].

Протестантские князья, которые управляли большинством крупных, более густонаселённых земель, уступали в численности меньшим, но более многочисленным католическим землям. Такая неустойчивость сразу не вызвала противоречий, поскольку Имперский камеральный суд, осуществляющий надзор за выполнением Аугсбургского мира, при вынесении решений по религиозным делам состоял из равного количества судей от обоих исповеданий. Однако деятельность суда контролировал Рейхстаг, в котором, как и в других имперских учреждениях, решения принимались большинством голосов. Таким образом, эта система осталась открытой для обвинений в предвзятости правосудия [11, р. 505].

Протестанты были недовольны решением конституционных проблем католи-

ческим большинством. В отличие от польских или венгерских дворян, немецкие князья не имели ясно сформулированного права на сопротивление и отстаивали возможность объединяться в ассоциации. Равновесие сил между императором и имперскими чинами ещё только формировалось, когда Реформация подняла вопрос религиозной свободы. Для католиков истинная свобода была достижима только в пределах их собственной универсальной церкви. Протестанты находились в политическом и демографическом меньшинстве. Они ссылались на Бога и Священное писание как на более высокие авторитеты, чем император и папа римский, которые угрожали исключить протестантов из числа участников установленного в Империи политического порядка. Ещё в 1530 г. в протестантизме оформилось учение, в котором право на сопротивление сочеталось с христианским повиновением и давалось определение справедливой войны. Такая война должна была соответствовать 3-м критериям: вестись согласно принятым нормам (правильное намерение), на достаточных юридических основаниях (правое дело) и быть направленной надлежащей властью. Правое дело было определено как оппозиция тирании, которая включала попытки властей вмешаться в «истинную религию», в то время как надлежащая власть должна быть ограничена имперскими чинами. Протестантская мысль, главным образом лютеранская, определяла сопротивление как форму убеждения, чтобы заставить своих равных правителей увидеть ошибку в своих действиях и раскаяться. Преобладало больше умеренных, светских представлений идеи сопротивления [11, р. 505–507].

После заключения Аугсбургского религиозного мира главными субъектами урегулирования спорных вопросов в XVI – начале XVII вв. оставались имперские чины, к которым относились аристократические круги немецкого общества – территориальная княжеская власть. Ведущую роль среди них играли курфюрсты, которые оказывали весьма существенное влияние на импе-

ратора. Коллегия курфюрстов воплощала консерватизм имперской Конституции и не допускала превращения Империи в административную или абсолютную монархию. Значительную роль в этом процессе сыграли имперские сословные собрания, особенно совещания курфюрстов [12, с. 29].

Важным следствием Аугсбургского мира 1555 г. являлось также продолжение начатых в 1530-е гг. имперских реформ. Крайстаги (собрания имперских округов) и имперские депутационные совещания стали заседать отдельно от рейхстагов, заменяя их частично или полностью и решая такие проблемы, как земельный мир и налоги, административное управление и чеканка монеты. На рейхстаге 1555 г. были приняты решения о том, что не имперские власти, а князья и имперские города должны собирать имперские налоги, например, турецкий налог. Многие рычаги власти оказались в руках территориальных князей, которые пытались ликвидировать привилегии и права подвластных им территорий. Но они были вынуждены считаться с участием в управлении земельных чинов, что можно считать историческим достижением последних. Императоры Фердинанд I и Максимилиан II были достаточно миролюбивыми и старались придерживаться политики веротерпимости, не посягая при этом на княжеский территориализм. Имперские чины получили теперь право собственного и совместного решения политических вопросов и несли ответственность за исполнение обязанностей по отношению к императору и Империи. Политическая система после Аугсбургского мира 1555 г. не означала возвращения к дуализму императора и имперских чинов. Она гарантировала имперский мир и сохранение средних и малых чинов, а также стабильность имперского союза в долговременной перспективе. На рубеже 80–90-х гг. XVI в. на смену поколению политиков, живших по принципам Аугсбургского религиозного мира, пришли правители, воспитанные в духе конфронтации, претензии которых привели в конце концов к Тридцатилетней войне [2, с. 94, 96].

Конституционный кризис в Империи в начале XVII в.

В период своего правления император Рудольф II (1576–1612) стремился к компромиссу между католиками и умеренными лютеранами, но в то же время проводил рекатолизацию архиепископства Кельнского, г. Аахена и г. Донауверта, что встретило сопротивление протестантских чинов. Материальные и политические последствия «Длинной турецкой войны» (1593–1606) способствовали конституционному кризису Империи, когда престиж габсбургской династии среди немецких князей упал. Рудольф попытался созвать новые рейхстаги в 1608 и 1613 гг. для решения вопроса о предоставлении помощи в войне с турками [3, с. 130; 11, р. 476].

Распространение протестантизма в габсбургских наследственных землях с начала 70-х гг. XVI в. способствовало неустойчивости династии, которая предоставила ограниченную свободу вероисповедания дворянам и городам взамен уплаты налогов, которые шли на содержание военной границы. Династическая борьба после 1606 г. привела к дальнейшим уступкам, включая Грамоту Величества, предоставленную чешским протестантам в 1608 г. Габсбурги попытались восстановить власть в своих наследственных землях. Эрцгерцог Штирии, ставший императором Фердинандом II в 1619 г., оказался проводником этой политики. Габсбургский католицизм стремился к централизации, ограничивая права сословий. Протестанты не оказывали сильного сопротивления, т. к. не доверяли установлениям Грамоты Величества, которая никак не сочеталась с реальным положением сословий. Рекатолизация проводилась кардиналом Мельхиором Клезлем, главным советником императора Маттиаса, в мирных рамках: существующие соглашения не отменялись, но интерпретировались через сужение прав сословий. Продвигая рекатолизацию в габсбургской Австрии, Клезль подчёркивал роль веры и закона в политике. Соглашения, заключённые с протестантами, были обязательны по закону и могли

быть пересмотрены только по взаимному согласию [11, р. 483, 485, 487].

Клезль безуспешно пытался достичь согласия между католической и протестантской партиями, чтобы сохранить Аугсбургский религиозный мир. Последние перед Тридцатилетней войной рейхстаги 1603, 1608 и 1613 гг. показали стремление католических чинов с помощью большинства решить конфессиональную проблему в Империи в свою пользу. Протестантские чинов сопротивлялись, апеллируя к Аугсбургскому миру. Имперские сословные совещания в обстановке усилившейся конфессиональной конфронтации практически бездействовали [3, с. 131; 7, с. 146].

Поляризация, сопровождаемая милитаризацией, достигла высшей точки в 1608 г., когда был создан Протестантский Союз немецких князей и городов, которому годом спустя стала противостоять Католическая Лига. Эти конфессиональные объединения не были предусмотрены имперскими законами. Им не удалось принять в свой состав большинство своих единомышленников среди имперских чинов, которые расценивали эти союзы как нарушение имперской Конституции и боялись, что членство в них приведёт к конфликтам. Обе организации представляли себя как поддержку конституционного порядка в то время, когда официальные органы были не в состоянии разрядить напряжённость. Название «Католическая Лига» придумали протестанты, вкладывая в него уничижительный характер и сравнивая её с позорной Лигой во французских религиозных войнах. Клезлю удалось распустить Лигу в 1617 г. Кардинал таким образом добивался компромисса по конфессиональным положениям имперской конституции. Но Лига была вновь восстановлена 2 года спустя в качестве уступки – взамен помощи Баварии императору против чешских мятежников [11, р. 478, 494–495, 499].

Все эти события можно представить как постепенный рост настороженности между двумя взаимно враждебными конфессиональными культурами, что неуклонно вело к войне. Историки XIX в. обозначили

это как «распад имперской конституции». Напряжённость переросла в войну, которая стала неизбежным следствием «отказа» от Аугсбургского мира 1555 г., который иногда называли «вооружённым перемирием». Парализующее воздействие имперской Конституции было снято, что и привело непосредственно к насилию [11, р. 477–478].

Имперская Конституция во время Тридцатилетней войны

Война, как известно, началась с чешского восстания. Как и первые протестанты, чехи открыто бросили вызов императору. Спустя 2 дня после Пражской дефенестрации 25 мая 1618 г. они издали свою «Апологию». В этом документе религиозные аргументы, оправдывающие восстание, занимают второе место. Главное то, что габсбургское правительство нарушило имперскую Конституцию и Грамоту Величества. Даже здесь критика направлена против «злых советников», чтобы позволить мятежникам утверждать, что они лояльны к императору. Важно отметить, что курфюрст Саксонии Иоганн Георг, лидер немецких протестантов, отверг не только эти конституционные требования, но и последующее обращение чехов к нему по религиозным мотивам. Протестантский курфюрст Пфальца Фридрих V принял предложенную ему чешскую корону. Император Фердинанд II расценил его претензии как «причину войны» [1, с. 109; 5, с. 207; 11, р. 508].

По условиям Аугсбургского мира князья имели право изменять веру своих подданных. Начало войны усугубило эту проблему. Сложная ситуация складывалась, когда военные силы одного вероисповедания захватывали территории, население которых исповедовало другую веру. Победа католиков над чешскими протестантами в 1620 г. сделала возможным продолжение политики рекатолизации в целях укрепления монархической власти и сохранения единства наследственных земель Габсбургов. Император Фердинанд II (1619–1637) был истовым католиком и находился под влиянием своих советников-иезуитов. Он ак-

тивно защищал интересы католической церкви и выступал за усиление её позиций в рамках Империи [3, с. 131; 11, с. 484–486].

Когда спор о власти и влиянии в пределах Империи рассматривался через конфессиональную призму, сложные конституционно-правовые проблемы представляли как мировое противостояние добра и зла. Такие убеждения политиков, принимавших решения, оказались пагубными для сотен тысяч людей, втянутых в военный конфликт. Тогдашние политические и конституционные структуры не могли сдерживать правителей от вступления в войну, даже если слаборазвитая финансово-военная инфраструктура XVII в. делала успех неопределённым [11, р. 514].

После занятия Пфальца баварскими войсками, как и из габсбургских земель, из него были высланы протестантское духовенство и учителя. Но недавно ставший курфюрстом Максимилиан Баварский боялся запрещать прежнее вероисповедание, пока его новое владение не было легализовано через дарение императором. И Максимилиан, и Фердинанд основывали свои действия на имперском законе, ссылаясь на «право реформации» (*ius reformatandi*), предоставленное большинству имперских чинов Аугсбургским миром. Право на реформацию, которое до поры до времени было неработающей нормой, стало использоваться католиками и протестантами в процессе конфессионализации. В габсбургских землях процесс рекатолизации сопровождался возвратом церковных земель духовенству [11, р. 487–488].

Но массовым конфискациям и изгнанию населения были пределы. Некоторые католики отказались участвовать в них, другие мучились в сомнениях, законно ли такое насилие, и задавались вопросом, грешили ли преступники, оправданно ли из-за убеждений отнимать их собственность. В публицистике звучали голоса, призывающие к компромиссу. В 1620 г. появились печатные издания, защищавшие мир и имперскую Конституцию как идеальную структуру. Германия являлась им как не-

винная жертва или как воплощение мира [11, р. 489–490].

Вершиной императорского могущества и контрреформации в Империи стало издание Фердинандом II Реституционного эдикта 1629 г., который должен был стать единственным легитимным толкованием Аугсбургского религиозного мира 1555 г. и предназначался для снижения межконфессиональной напряжённости. Но он стал серьёзной ошибкой императора. В какой-то момент для Фердинанда II религиозные вопросы, продвигаемые его советниками-иезуитами, получили приоритет над политическими интересами. Владения католической церкви, захваченные протестантскими князьями после Пассауского договора 1552 г., должны были быть возвращены прежним владельцам: 2-м архиепископам, 12-ти епископам и многим другим монастырям и аббатствам. Теперь только католики и лютеране могли свободно исповедовать свою религию. Представители других вероисповеданий, включая кальвинистов, оказывались вне закона [3, с. 131; 10, р. 344; 11, р. 496].

Протестанты выступили против эдикта, который был издан с нарушением имперской Конституции. Оказались нарушенными права имперских чинов на принятие законов и их суверенитет во внутренних делах. Императорский указ был принят в обход рейхстага и вторгался в сферу конфессионального и политического равновесия в Империи, предоставляя преимущества католикам. Реституционный эдикт оттолкнул от императора Саксонию за несколько месяцев до шведского вторжения. Фердинанд II не собирался активизировать деятельность имперских сословных совещаний, особенно рейхстага, хотя и не стремился к ликвидации имперской конституции. Он периодически консультировался с курфюрстами, прежде всего католическими. С переходом титула курфюрста в 1623–1648 гг. от Пфальца к Баварии позиции католических курфюрстов заметно усилились [3, с. 131–132; 11, р. 496].

Это укрепление власти императора вызвало серьёзную реакцию как внутри

Германии и католического мира, так и на международной арене. На Регенсбургском совещании курфюрстов в июле–ноябре 1630 г. дело дошло до спора между Максимилианом Баварским и императором. Первый видел опасность для положения имперских князей в возвышении власти императора. Католические курфюрсты были недовольны политикой Фердинанда II. Их протестантские коллеги настаивали на том, что Реституционный эдикт нарушает равные права конфессий, установленные Аугсбургским религиозным миром. Собравшись на свой конвент, протестантские чины выразили протест против эдикта. После высадки на севере Германии шведской армии короля Густава II Адольфа (1611–1632) католики были вынуждены пойти на переговоры, опасаясь объединения германских протестантов со шведами. Император обещал курфюрстам не начинать новые войны без их совета и согласия [3, с. 133; 10, р. 344–345].

Швеция и Франция оправдывали своё вмешательство в Тридцатилетнюю войну защитой «немецких свобод» против «габсбургской тирании». Это было больше, чем простая риторика. Оба государства видели гарантию безопасности в незыблемости имперской Конституции, которая определяла статус императора как первого среди равных. Фердинанд II пытался уладить спор в 1630 г. (нератифицированным) Регенсбургским соглашением с Францией, которое завершило конфликт о Мантуанском наследстве, Любекским миром с Данией 1629 г. и Реституционным эдиктом. Цель императора была сохранить завоевания, которые Габсбурги сделали в ходе первой половины войны, и исключить имперские чины из переговоров со Швецией или Францией [11, р. 508].

Влияние религии на характер Тридцатилетней войны: конституционный аспект

Религия оказывала определённое влияние на обсуждения о вступлении в войну и на официальные оправдания отказа от

неё, но этот фактор не был главным. Есть свидетельство, что Густав Адольф, возможно, разделял некоторые воинственные провиденциалистские взгляды, многие из его утверждений кажутся загадочными. Шведская монархия в представлении многих немцев была защитницей протестантизма. Манифест Густава Адольфа, выпущенный, чтобы оправдать высадку в Померании в 1630 г., подчёркивал, что Швеция идёт защищать конституционные права имперских чинов, она пренебрегает местью за обиды протестантов, и дело мира находится в руках имперских дипломатов. Религия оставалась зависимой от политических соображений. Канцлер Аксель Оксеншерн, несмотря на принадлежность к полностью конфессионализированному поколению, в речи о политике Густава Адольфа перед шведским государственным советом в 1637 г. заявил, что призыв к защите протестантской веры был нацелен лишь на широкую публику. Швеция вмешалась в Тридцатилетнюю войну в 1630 г. не только по этой причине. Корона не преследовала бы религиозные цели в ущерб своей стране [11, р. 483, 502].

Протестанты предприняли попытку восстановить довоенное положение, но она закончилась поражением Швеции в 1634 г. Неясные намерения шведского правительства состояли то ли в узурпации имперской власти в завоёванных областях, то ли в их присоединении к Швеции, то ли в членстве в шведском союзе. Католическое духовенство и учителя были высланы из оккупированных территорий или оштрафованы, но их конгрегациям разрешили сохранить некоторые из церквей. Вместо того чтобы подавлять католицизм на завоёванных духовных территориях, шведы предоставили равные права лютеранским меньшинствам в надежде на скорый переход остальной части населения в эту веру. Церковная собственность и имущество сбежавших католических дворян были перераспределены между шведскими и немецкими чиновниками вместо платы за работу. Конфессионализация была признана в соответствии с условиями со-

юза с Францией, которая обязала Швецию уважать права католиков в Германии. Протестантские союзники перестали доверять шведам как защитникам их прав. Они подозревали, что это уловка для получения контроля над их внутренними делами [11, р. 488].

По условиям заключённого 30 мая 1635 г. Пражского мира император отказывался от исполнения эдикта 1629 г. на 40 лет, гарантировал неприкосновенность собственности по состоянию на 1627 г., что для католиков было очень выгодно. С другой стороны, это был мнимый успех конституционного плана Фердинанда II, ибо отказ чинов от сепаратных союзов и т. д. не был реализован. Сам же император не мог установить монархическую форму правления в Империи. Почти все имперские чины присоединились к миру [3, с. 133; 10, р. 345].

На своём Регенсбургском совещании 1636–1637 гг. курфюрсты сопротивлялись монархическим устремлениям Фердинанда II. Они умело использовали «Золотую Буллу» и защищали сословные свободы от габсбургско-династической политики императора. Фердинанд III по рекомендации своих советников решился в 1640 г. созвать рейхстаг в Регенсбурге, который стал первым и единственным, проведённым во время Тридцатилетней войны. Между императором и курфюрстами, как и между католическими и протестантскими курфюрстами, существовали значительные противоречия. Дебаты развернулись по первому же пункту о восстановлении имперского мира, в рамках которого был поставлен вопрос об амнистии всех чинов [3, с. 133–134].

В 1644 г. открылся Вестфальский мирный конгресс. Конфессиональные проблемы составляли часть пакета конституционных реформ, разработанных, чтобы ограничить власть императора, предотвратить в дальнейшем оказание им помощи Испании против Франции и угрозу территориальным приобретениям Швеции. В дополнение к 5 млн талеров для оплаты армии шведская корона получила полови-

ну Померании и бывшие духовные земли Бремена и Фердена. Другие секуляризованные духовные княжества предоставлялись в качестве компенсации Бранденбургу, который также предъявлял права на Померанию. Фердинанд III дал согласие на франко-шведское требование в сентябре 1645 г. об участии имперских чинов в переговорах. Хотя эта уступка и явилась отказом от цели Габсбургов с 1630 г. сплотить всех немцев для сопротивления иностранным захватчикам, но была правильным решением. После этого имперские чины потеряли интерес к франко-шведскому предложению подорвать власть императора в пределах Империи [11, р. 510].

Религия оставалась зависимой от решения конституционных вопросов во время Вестфальских мирных переговоров. Инструкции, данные испанским и французским посланникам, содержали почти идентичные фразы о необходимости мира для всего христианства. Конфессиональный антагонизм не был, однако, главной причиной задержки переговоров. «Протестантская проблема» Пфальца и Чехии как бы пропала в 1623 г., когда Фердинанд II передал земли Фридриха V и звание курфюрста Максимилиану Баварскому. Со смертью Фридриха в 1632 г. исчезло главное препятствие. Английский король, чьим родственником являлся курфюрст Пфальца, в 1640-е гг. был не в состоянии выразить протест. Другие государства использовали судьбу Пфальца и чешских изгнанников как способ давления на императора и Максимилиана Баварского [11, р. 509].

На Вестфальском конгрессе имперские чины требовали исполнения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. и соблюдения сословных и религиозных свобод. Протестанты повторили требования кассировать Реституционный эдикт, хотя католики поначалу пытались его отстаивать. В мае 1648 г. курфюрст Майнца взял на себя инициативу решения внутренних дел Империи. Имперские чины буквально принудили императора подписать мир. В результате сторонам удалось

достичь конституционного компромисса, выработанного имперскими дипломатами, который повлёк за собой пересмотр права на реформацию и установил конфессиональные границы в Империи по состоянию на 1 января 1624 г. [3, с. 132–133, 135; 11, р. 510].

Права князей были ограничены. Теперь подданные не должны были следовать за примером своих правителей, которые установили вероисповедание после указанной даты. По состоянию на 1624 г. допускались религиозные меньшинства, которые могли доказать законные права на вероисповедание на указанную дату. Представители других конфессий могли быть высланы только после уведомления через 3 года, и никому нельзя было отказать в лечении, образовании или похоронах на религиозных основаниях. Императору предоставили освобождение от этого правила. Он мог продолжить довоенную политику рекатолизации в своих наследственных землях (с частичным исключением Силезии) и стабилизации власти [11, р. 511].

Вестфальский мир не принёс ни государственной раздробленности, ни княжеского абсолютизма. Ст. VIII Оснабрюкского договора (составной части Вестфальского мира) закрепляла порядок отношений императора и сословий, возникший и утвердившийся в XVI в. Чтобы конституция не предполагала никаких споров, все курфюрсты, князья и чины получали высшую власть в собственных владениях, но не суверенитет в смысле Ж. Бодена. Ядро «территориального права» формировалось из старых прерогатив, привилегий, пожалований и регалий. Мир гарантировал сословные свободы, но не делал из имперских чинов суверенных правителей [3, с. 135; 6, с. 423–424].

Вестфальский мир не изменил правовых механизмов Аугсбургского мира. Сохранялся традиционный характер Империи как оборонительного союза и аристократической ассоциации территориальных государств, основанной на ленном праве и верховенстве императора. Империя оставалась иерархической,

поскольку право на реформацию сохранялось далеко не у всех. Ограниченные привилегии были предоставлены городам и рыцарям. Кальвинисты, несмотря на оппозицию Саксонии, получили права, сопоставимые с правами лютеран и католиков, но свобода совести не была формально признана. Кроме того, Империя оставалась священной в том смысле, что была исключительно христианской. Еврейские меньшинства по-прежнему зависели от особых усмотрений императора или князей. Имперская Конституция вновь включила религиозные положения, не определяя доктрины. Теперь все стороны могли обратиться к ней, чтобы узаконить свои действия. В этом смысле Конституция восприняла гуманистический идеал XVI в. «общего отечества», стоящего над сектантством. Аугсбургский мир включил лютеран в политические рамки, тесно связанные с дореформационным универсальным католицизмом. 30 лет насилия позволили им добиться равноправия и гарантировать их свободы. Взаимная ненависть была смягчена в результате перехода споров от абстрактных понятий и выяснения истины в последней инстанции к точной интерпретации конкретных прав, которые защищались в судебном или административном порядке. Таким образом, в XVIII в., когда большинство субъектов Империи всё ещё управлялись католиками, протестанты стали самыми горячими защитниками имперской Конституции [3, с. 135; 11, р. 511–512].

Заключение

Тридцатилетняя война была религиозной в том смысле, что все стороны считали веру и церковь общим благом, которое стремились защитить. Но это общее благо имело мало отношения к решению вопросов войны и мира. Правители консультировались с богословами по правовым проблемам, как это делал Фридрих V, прежде чем принять корону Чехии, или Фердинанд II, когда разрабатывался Реституционный эдикт. Правители также были осведомлены о теологических дискуссиях. Их вера

оказывала влияние на принятие некоторых решений. Однако никакая сторона не утверждала, что вела священную войну, и религия играла небольшую роль в оправдании военных действий, которые были направлены на защиту сословных и политических прав. Борьба шла вокруг содержания имперской Конституции, в которой

религиозные права были неотъемлемой частью. Эти права были впоследствии гарантированы Вестфальским миром, ставшим конституционным законом Империи [11, p. 512–513].

Статья поступила в редакцию 07.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонин Ю. Е. Конфессионализация, глобальный кризис и начало Тридцатилетней войны // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 105–118.
2. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004. 461 с.
3. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 2. Ч. 2. М.: РКонсульт, 2009. 335 с.
4. Мюлинг К. Понятие «религиозная война» и формирование конфессий // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире. СПб.: Алетейя, 2019. С. 86–103.
5. Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. № 3. С. 181–216.
6. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008. 483 с.
7. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война под взглядом политолога // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2018. № 1. С. 139–168.
8. Юсим М. А. Парадоксы в Тридцатилетней войне // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 429–439.
9. Bornhak C. Deutsche Verfassungsgeschichte vom Westfälischen Frieden an. Stuttgart: Enke, 1934. 460 p.
10. Kluting H. Das Konfessionelle Zeitalter 1525–1648. Stuttgart: Ulmer, 1989. 444 p.
11. Wilson P. H. Dynasty, Constitution, and Confession: The Role of Religion in the Thirty Years War // The International History Review. 2008. № 3. P. 473–514.
12. Каріков С. Аугсбурзький релігійний мир як рубіжний пункт лютеранської конфесіоналізації в Німеччині // Вісник Київського національного університету. Історія. 2011. Вип. 106. С. 27–29.

REFERENCES

1. Ivonin Ju. E. [Confessionalization, the global crisis and the beginning of the Thirty Years War]. In: *Tri daty tragicheskogo pjatidesjatiletija Evropy (1598–1618–1648): Rossija i Zapad v gody Smuty, religioznyh konfliktov i Tridcatiletnej vojny* [Three dates of the tragic fiftieth anniversary of Europe (1598–1618–1648): Russia and the West during the Time of Troubles, religious conflicts and the Thirty Years War]. Moscow, IVI RAN Publ., 2018, pp. 105–118.
2. Ivonin Ju. E. *Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495–1806. T. 1* [Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Age 1495–1806. Vol. 1]. Moscow, RKonsult Publ., 2004. 461 p.
3. Ivonin Ju. E. *Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495–1806. T. 2. Ch. 2* [Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Age 1495–1806. Vol. 2. P. 2]. Moscow, RKonsult Publ., 2009. 335 p.
4. Mjuling K. [The concept of «religious war» and the formation of confessions]. In: *«Vremja molchanija proshlo!» Pjat vekov Reformacii v menjajushhemsja mire* [«The time of silence is over!» Five centuries of the Reformation in the changing world]. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2019, pp. 86–103.
5. Mjunkler G. [New wars. On the return of one historical model]. In: *Logos*, 2019, no. 3, pp. 181–216.
6. Prokopev A. Ju. *Germanija v jepohu religioznogo raskola. 1555–1648* [Germany in the era of religious schism. 1555–1648]. St. Petersburg, 2008. 483 p.

7. Prokopen A. Ju. [The Thirty Years War under the eyes of a political scientist]. In: *Proslogion: Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni* [Proslogion: Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Times], 2018, no. 1, pp. 139–168.
8. Jusim M. A. [Paradoxes in the Thirty Years War]. In: *Tri daty tragicheskogo pjatidesjatiletija Evropy (1598–1618–1648): Rossija i Zapad v gody Smuty, religioznych konfliktov i Tridcatiletnej vojny* [Three dates of the tragic fiftieth anniversary of Europe (1598–1618–1648): Russia and the West during the Time of Troubles, religious conflicts and the Thirty Years War]. Moscow, IVI RAN Publ., 2018, pp. 429–439.
9. Bornhak C. *Deutsche Verfassungsgeschichte vom Westfälischen Frieden an*. Stuttgart, Enke, 1934. 460 p.
10. Kluting H. *Das Konfessionelle Zeitalter 1525–1648*. Stuttgart, Ulmer, 1989. 444 p.
11. Wilson P. H. Dynasty, Constitution, and Confession: The Role of Religion in the Thirty Years War. In: *The International History Review*, 2008, no. 3, pp. 473–514.
12. Karikov S. [Augsburg religious peace as a milestone in Lutheran confessionalization in Germany]. In: *Visnik Kiivskogo nacionalnogo universitetu. Istorija*. [Bulletin of Kyiv National University. History], 2011, iss. 106, pp. 27–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляев Михаил Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Российского университета кооперации;
e-mail: babek-han@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail P. Beljaev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Law, Russian University of Cooperation;
e-mail: babek-han@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляев М. П. Конституция Священной Римской империи и религиозный фактор в Тридцатилетней войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 38–48.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-38-48

FOR CITATION

Beljaev M. P. The Holy Roman Empire Constitution and the Religious Factor in The Thirty Years War. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 38–48.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-38-48